

**ОСНОВНЫЕ ПОСТУПЛЕНИЯ БУДДИЙСКИХ ПАМЯТНИКОВ
В СОБРАНИЕ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН**

Обширное рукописное собрание Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН стало складываться задолго до учреждения и Азиатского музея в 1818 г., и самой Академии наук в 1724 г. Коллекционирование исторических документов, рукописей и памятников старины началось в нашей стране в древности. Первоначальными местами хранения были церкви, монастыри и княжеские, а позже царские казнохранилища¹. В XVIII в. большое значение приобрели частные собрания, в которые наряду с предметами, связанными с историей и искусством, разными путями стали попадать книги на восточных языках.

Активную собирательскую деятельность вел Петр I. Считается, что «в его царствование было положено начало коллекциям китайских, маньчжурских, японских, монгольских и тибетских сочинений, а также и других мухаммеданских редкостей, и, по всем вероятностям, и мухаммеданских монет»². Для хранения обширных коллекций Петра в 1714 г. были учреждены Библиотека и Кунсткамера. С созданием в 1724 г. Академии наук Библиотека и Кунсткамера перешли в ее ведомство. Впоследствии книжные фонды РАН неуклонно пополнялись³.

Первые рукописи и книги буддийского содержания поступили в российские собрания в 20-х годах XVIII в. Составитель первого печатного путеводителя Библиотеки Российской академии наук И.Г. Бакмейстер упоминает о тибетских (или, как их тогда именовали, *тангутских*) и монгольских книгах, собранных Герардом Фридрихом Миллером (1705–1783) и Петром Симоном Палласом (1741–1811): «Библиотека обильно снабжена тангутскими и монгольскими письмами, кои писаны золотом, серебром и чернилами, но за незнанием сих языков не имеем дальнейшего о них сведения <...> множество означенных писем прислано в 1720 году из Сибири, где они найдены были в Аблаинкйде, древнем храме, построенном на берегу Иртыша тайшем Аблаем и разоренном от его брата, который выгнал его оттуда с ордою»⁴. Очевидно, эти книги на тибетском и монгольском языках, как и впоследствии поступавшие в Библиотеку Академии наук из Центральной Азии, были большей частью буддийского содержания. Это объяснялось тем, что буддийская литература была наиболее распространенной и, следовательно, доступной для приобретения в районах расселения монгольских племен⁵.

Поиски монгольских, тибетских и китайских рукописей были поручены Давиду Готлибу Мессершмидту (1685–1735), отправленному в 1720 г. Петром в экспедицию в Западную Сибирь, Даурию и Монголию. По специальному договору Мессершмидт был обязан вести исследование самого широкого характера, в том числе осуществить «описание сибирских народов и филологическое исследование их языков», а также «изучать памятники древности»⁶. Вернувшись в феврале 1727 г. в Петербург, Д.Г. Мессершмидт не стал торопиться с передачей собранных им коллекций в Академию наук под предлогом отсутствия полного «статейного списка», и на них был наложен арест⁷. Для определения ценности собранных экспонатов 28 апреля 1727 г. была создана специальная комиссия в составе академиков И.Д. Шумахера, И.Н. Делиля, Т.З. Байера и И.Х. Буксбаума, усмотревшая в коллекции Мессершмидта «удивительные антиквитеты»⁸, среди которых были монгольские и тибетские материалы⁹. После передачи коллекций Академия оплатила Мессершмидту все расходы, взяв с него специальную «сказку с присягой», чтобы он без разрешения «не публиковал о книгах, о описании и о курьезных вещах», находящихся в Кунсткамере¹⁰.

В 1730 г. в Библиотеку Академии наук поступили первые книги из Китая, доставленные Лоренцом Лангом. Впоследствии книжные академические собрания на китайском и маньчжурском языках неуклонно пополнялись, в первую очередь за счет словарей, конфуцианских классических сочинений, произведений исторического, географического, естественно-научного содержания, а также работ миссионеров-иезуитов. Первые сведения о дальневосточном буддизме пришли в европейскую науку в трудах священников-европейцев, которым понимание буддийского мироощущения было необходимо для успешного выполнения миссионерских задач. В каталоге А.Л. Леонтьева «Реестр китайским и маньчжурским книгам, находящимся в библиотеке Академии наук. Собранный Коллегии иностранных дел секретарем Алексеем Леонтьевым» от 1766 г.¹¹ среди 235 книг на китайском и маньчжурском языках упоминаются только: «41. Возмездие за добродетели и за беззакония из идолаторского хошенского закона на маньчжурском языке (4 тетради)» и «130. Путешествие одного идолаторского старца в западные края для принятия от своего бога закона, называемая Си ю дзи, на китайском языке (2 тома)»¹².

После организации Азиатского музея в 1818 г. Академия наук передала ему из Кунсткамеры книги на восточных языках и впоследствии стала направлять туда же книги из Азии. К сожалению, поступления в Азиатский музей не всегда сопровождались подробными описями, на большинстве книг не сохранилось печатей прежних владельцев и собирателей, поэтому проследить судьбу каждо-

го сочинения не представляется возможным. По сохранившимся отдельным записям и сведениям можно заключить, что в XVIII — начале XIX в. первостепенное внимание уделялось собиранию словарей, сочинений по грамматике, истории, географии, идеологии, дававших общее представление о странах Востока. Азиатский музей стал осуществлять отбор письменных памятников как объектов исследования, приобретая собрания тех, кто целенаправленно занимался коллекционированием.

Книги и рукописи буддийского содержания на санскрите, китайском, монгольском и тибетском языках поступили в Азиатский музей в составе двух обширных коллекций Павла Львовича Шиллинга фон Канштадта (1786–1837). Значение этих приобретений было сразу же отмечено российскими учеными. В Отчете Мария Ивановича Броссе (1802–1880), в 1841 г. описавшего дальневосточную часть библиотеки Азиатского музея, говорилось: «До сих пор, однако ж, китайская коллекция Академии не имела ничего особенно замечательного, по крайней мере, ничего такого, что бы превосходило средства частного человека и что бы соответствовало средствам учебного сообщества, поставленного в самые выгодные условия для бесконечного умножения своих богатств. Но в 1836 и 1838 годах она была возвышена вдруг как бы каким-нибудь волшебством на степень неслыханного обогащения, так что за исключением Парижской Королевской библиотеки, ныне чрезвычайно умноженной книгами, принадлежавшими ее новому хранителю Станиславу Жюльену, наша, без сомнения, превосходит все прочие европейские библиотеки этого рода»¹³.

Отдельные записи П.Л. Шиллинга и других лиц свидетельствуют о том, что его собрание представляло собой хорошо систематизированную библиотеку. В собрании П.Л. Шиллинга были представлены также китайские, маньчжурские, тибетские и монгольские словари; энциклопедии; классические конфуцианские произведения; сочинения по истории, географии, философии, математике, астрономии, естествознанию и медицине; карты; богословские труды католических миссионеров. Первая часть коллекции П.Л. Шиллинга в общей сложности насчитывала более 2000 томов восточных сочинений (286 наименований¹⁴), среди которых были единственные экземпляры произведений, не имевшихся ни в одном из европейских собраний¹⁵. Частичные описания первой коллекции П.Л. Шиллинга сохранились в его фонде в Архиве востоковедов СПбФ ИВ РАН. Они были составлены в основном его корреспондентами, членами Российской духовной православной миссии, закупавшими для него книги в Китае¹⁶. Вторая коллекция П.Л. Шиллинга по своему объему значительно превосходила первую, она насчитывала более 4800 томов. Описание коллекции было

сделано Я.И. Шмидтом и Н.Я. Бичуриным. Первый описал тибето-монгольскую часть, второй — произведения на китайском, маньчжурском, японском и корейском языках¹⁷.

Первую часть своей коллекции П.Л. Шиллинг уступил государству в 1830 г., когда встал вопрос об организации при Петербургском университете Отделения восточных языков, но по стечению обстоятельств книги не вошли в состав университетской библиотеки и в 1836 г. были переданы императором Николаем I Азиатскому музею. Решившись на продажу библиотеки накануне своей экспедиции в Сибирь в 1831–1832 гг., П.Л. Шиллинг, по-видимому, надеялся обеспечить себя средствами для комплектования новой коллекции. Вторая коллекция П.Л. Шиллинга впоследствии также поступила в Азиатский музей. По своему объему это собрание значительно превосходило первое, оно насчитывало более 4800 томов. Описание коллекции было сделано Я.И. Шмидтом и Н.Я. Бичуриным. Первый описал тибето-монгольскую часть, второй — произведения на китайском, маньчжурском, японском и корейском языках¹⁸.

В 1835 г. собрание Азиатского музея пополнилось 95 индийскими рукописями Д. Стюарта, купленными в Лондоне. Эта коллекция содержала санскритскую литературу различных жанров в хорошо выполненных и выверенных списках, сделанных в различных местностях Северной Индии во второй половине XVIII в.¹⁹ В.П. Васильев (1818–1900) в 1840-х годах передал несколько китайских, монгольских и тибетских рукописей и ксилографов, главным образом буддийского содержания, собранных в Пекине²⁰. От него поступил, в частности, экземпляр «Логосовой сутры», переписанный в XIX в. архаическим непальским почерком XI–XII вв.²¹.

В 1836 г. был принят новый Устав Санкт-Петербургской Академии наук, в котором было предусмотрено увеличение более чем в четыре раза сумм на содержание штата научных работников и обслуживающего персонала академических музеев. При этом разрешалось «по усмотрению надобности и по мере средств привлекать сотрудников сверх штата». В соответствии с Уставом Президент Академии назначал два дня в неделю для входа в библиотеки и академические музеи «всем желающим видеть оные»²². Эти изменения дали Азиатскому музею возможность выплачивать оклады путешественникам и собирателям, а также привлекать временных сотрудников для описания коллекций.

Но до начала XX в. книги и рукописи буддийского содержания на китайском языке поступали в собрание Азиатского музея достаточно редко. Около 1920 г. В.М. Алексеев написал: «Литература по буддизму не избегла в описываемом фонде [китайском. — И.П.] общей судьбы его собраний. <...> Поэтому, обладая изящными изданиями частей минского канона, старый фонд не дал его целого, и

только за последние годы Музей приобрел полный канон и его колоссальное дополнение, вышедшее в превосходном японском издании. Популярный буддизм представлен изданиями монастырских лавок острова Авалокитешвары (Путо-шань) и книжками, листовками, картинами уличных торговцев»²³. «Великолепное киотоское издание Трипитаки», которое имеет в виду В.М. Алексеев, было приобретено для Азиатского музея в Японии О.О. Розенбергом наряду с некоторыми буддийскими словарями и книгами о буддизме в 1910-е годы²⁴.

Зато в соответствии с каталогом Доржи Банзарова в 1848 г. в Азиатском музее насчитывалось 83 наименования маньчжурских книг, из них 10 были буддийского содержания: «VII. Религия буддийская. 1. Маньчжурские переводы разных буддийских книг, на продолговатых листах, 1 связка, в которой содержатся: а) *Вацир-и ласалара сурэ-и чардзи далинь-дэ акунаха номонь*. “Книга, режущая вациром (алмазом) и достигшая до противоположной стороны познания”. Перевод Ваджрачгэдики; б) *Суаянь шадзинь-и да бакши Дзункаба Ламай джалбаринь, адистит худунь бахабурэ гэбунгэ номонь*. “Книга под заглавием: молитва Ламе Дзункхабе, главному учителю Желтой веры, доставляющая счастье и благословение””; в) *Манджушири-и мактачунь*. Похвала Манджушри; д) *Майдари-и форобунь*. Молитво-обращение к Майтрее; е) *Шидзямуни фуциси-и мактачунь, адистид-и оионго догонь*. “Хвала Будде Шакьямуни и путь к его благословию”; ф) *Мохонь аку джалафунга фуциси-и джулэри урэбумо гунирэ номонь токтохо*. “Книга размышления пред Бесконечно-Блаженным Буддою (Амитабой)”; г) *Мохонь аку джалафунга фуциси-и бое дэ урэбумо гунирэ номонь токтохо*. “Книга духовного размышления о существовании Бесконечно-Блаженного Будды”; h) *Эндурингэ эйтэнь эхэ бандзинь-бо биратай гэтэрэмбурэ дзиолонго умэжи этэхэ эмо гэбунгэ токтобунь тарни номонь токтохо*. “Книга тарни, именуемого Победоносною матерью, которая совершенно избавляет [читателя] от разных перерождений в низших классах существ”; и) *Умэжи эфулэрэ вацир гэбунгэ токтобонь тарни токтохо*. “Основной тарни, именуемый весьма разрушающий алмаз”. 2. *Хань-и токтобуха син-ли-гао-юань-и битхэ*. “О счастливых и несчастных днях”. 1 том. (Неполный экземпляр)”²⁵.

В течение XIX — начале XX в. коллекции Академии наук продолжали формироваться за счет покупок, осуществлявшихся как самой Академией, так и по линии Азиатского департамента Министерства иностранных дел, добровольных дарений отдельных лиц, а также наследников скончавшихся востоковедов. Практиковался обмен дублетами. Французский синолог Станислав Жульен (член-корреспондент Российской академии наук с 1845 г.), неоднократно пользовавшийся библиотекой Азиатского музея, пополнял ее китай-

скими материалами путем обмена дублетами²⁶. От него, в частности, поступил неполный экземпляр рукописи «Жизнеописание буддийских патриархов от рождения Шакьямуни до 1383 г.» (佛祖綱目). Позже, уже в XX в., эту традицию продолжил другой выдающийся французский ученый Поль Пеллио (1878–1945).

Около 1855–1957 гг. в Азиатский музей была передана коллекция Казанской духовной миссии, в которой были представлены и буддийские сочинения²⁷. В 1864 г. поступила обширная коллекция из Азиатского департамента министерства иностранных дел.

С конца 80-х годов XIX в. в Азиатский музей начали поступать материалы из нынешнего Синьцзяна КНР. Это были коллекции рукописей на санскрите, уйгурском, сакском, тохарском, тибетском языках первого тысячелетия н.э., собранные российскими учеными и дипломатами Н.Ф. Петровским, Н.Н. Кротковым, А.А. Дьяковым, В.И. Роборовским, И.П. Лавровым²⁸. Рукописи представляли собой документы либо отрывки сутр. Они вошли в центрально-азиатский фонд Азиатского музея — СПбФ ИВ РАН Serindica с общей численностью 4652 единицы хранения.

В 1902 г. фонды Азиатского музея пополнились ценнейшей коллекцией тибетских книг Г.Ц. Цыбикова (333 тома), собранной им во время пребывания в монастырях Амбо и центрального Тибета — Кумбуме, Кундэлинге, Гандэне и других. Вскоре поступила не менее ценная коллекция Б. Барадийна из Кумбума и Лабранга²⁹. Впоследствии тибетский фонд пополнялся за счет ксилографов, вывезенных уже в годы советской власти из дацанов Бурятии и Калмыкии, и сейчас в него входит 21789 ксилографов. В этом фонде много дублетов, но присутствуют и редчайшие издания, например, Дергезское издание буддийского канона Ганджура и полное собрание канонических толкований Данджура (около 500 томов).

В 1907 г. в Азиатский музей поступила коллекция дипломата, китаиста П.А. Дмитриевского (1852–1899), который служил консулом в Сеуле в 1891–1899 гг. В коллекции в основном представлены ксилографические издания по истории, географии, идеологии Кореи на китайском языке. Позже (после 1917 г.) корейский фонд Азиатского музея пополнился коллекцией английского дипломата У. Дж. Астона (1841–1911), а после Второй мировой войны — книгами из собрания П.Г. фон Мёллендорфа (1847–1901). В настоящее время в корейском фонде СПбФ ИВ РАН насчитывается 206 наименований памятников.

Некоторые книги из библиотеки П.А. Дмитриевского были включены в японский фонд, в частности, сочинение буддийского содержания «Повествование об отправлении к Южному морю и возвращении [на родину]» (南海寄歸傳). В 1910 г. с книгами Иосифа Антоновича Гошкевича (1852–1899) поступили «Дополненный и

исправленный сборник изображений Будд всех школ» (增補諸宗佛像圖彙) и «Иллюстрированный мариолог школы дзёдо с японскими чтениями» (淨土宗回向文和訓圖會). С коллекцией Н.П. Забугина в 1911 г. в собрание Азиатского музея пришла рукопись «Жизнеописание шести патриархов горы Сёхо» (正法山六祖傳).

Новый этап в собирательской деятельности Академии наук был связан с активной экспедиционной деятельностью российских ученых в Китае и Центральной Азии в конце XIX — начале XX в. Экспедиция 1893–1895 годов В.И. Роборовского и Петра Кузьмича Козлова (1863–1935) в Турфан доставила предметы древностей и фрагменты восточных рукописей, уйгурских и сирийских, поступившие на исследование А.О. Ивановскому и С.Ф. Ольденбургу (1863–1934)³⁰. Потом находки были переданы в хранение Азиатского музея.

В 1900 г. был создан Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, состоявший под покровительством Российского императора. Задачей комитета была организация и содействие русским и иностранным экспедициям. Председателем этого комитета стал В.В. Радлов (1837–1918), а товарищем председателя С.Ф. Ольденбург.

Решение о снаряжении Первой Русской Туркестанской экспедиции было принято комитетом, когда ничего еще не было издано из материалов экспедиций, ранее посетивших нынешний Синьцзян. Поэтому в Петербурге трудно было решить вопрос о том, где именно вести систематическую работу. 22 августа 1910 г. экспедиция приступила к работе в местности Шикшин близ Карашара, далее раскопки велись в Турфане и Куче, в результате чего было изучено около десятка наземных и пещерных буддийских храмов. Материалы экспедиции первоначально были переданы в Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, где они прошли первичную обработку, а в 1931–1932 гг. — в Эрмитаж, где часть их в 1935 г. была помещена в экспозицию. Среди материалов находилось около ста рукописей, которые были переданы в Азиатский музей.

В 1910 г. С.Е. Маловым (1880–1957) была обнаружена и передана в Азиатский музей уникальная уйгурская рукопись «Сутры золотого блеска» (Altun jaruq, версия сутры *Survarnaprabhasa*), которая впоследствии была издана и частично переведена на немецкий язык В.В. Радловым. Рукопись состоит из 347 листов, имеет хорошую сохранность. Она представляет собой самый полный вариант среди представленных в мировых коллекциях.

В 1911 г. в Азиатский музей поступило собрание Монголо-сычуаньской экспедиции П.К. Козлова, открывшего в 1907–1909 гг. в пустыне Гоби мертвый тангутский город Хара-Хото. Оно состояло в

основном из материалов на мертвом языке тангутов, а также включало значительное число сочинений на китайском языке. В тангутской коллекции СПбФ ИВ РАН ныне насчитывается около 6 тыс. рукописей и ксилографов, в том числе множество сочинений буддийского содержания — сутр, шастр и виная. В большинстве они представляют собой переводы с китайского и тибетского языков. Оригинальные тангутские буддийские произведения являются подражанием тибетским образцам и представляют собой проповеди морали, в которых используются факты китайской истории³¹. Среди произведений на китайском языке из Хара-Хото 283 буддийских сочинения, с преобладанием небольших по объему сутр, кратко и доступно излагающих основные положения учения³². Другие сутры немногочисленны, их насчитывается 31 единица, в том числе 15 единиц «Лотосовой сутры». Из них девять — оттиски издания 1146 г., шесть — фрагменты рукописей разного времени, наиболее ранняя из которых датируется второй половиной VII в., одна — концом XI в. и две — серединой XIV в.³³.

Результатом Второй Русской Туркестанской экспедиции С.Ф. Ольденбурга 1914–1915 гг. стала знаменитая дуньхуанская коллекция рукописей и фрагментов IV–XI вв., доставленная из монастыря 1000 Будд. Она насчитывает около 19 тыс. единиц хранения, включая мельчайшие фрагменты. Полные свитки, числом около 400, были приобретены С.Ф. Ольденбургом у местного населения, а фрагменты обнаружены в пещерах в результате археологических раскопок. Кроме того, в дуньхуанский фонд СПбФ ИВ РАН входят некоторые рукописи из Хотанской экспедиции С.Е. Малова (1909–1910) и ряд рукописей, собранных Н.Н. Кротковым.

Большинство рукописей дуньхуанской коллекции СПбФ ИВ РАН, являющейся частью библиотеки буддийского монастыря, составили сочинения буддийского канона — более 80 названий, причем во многих списках. В собрании присутствуют комментарии к сутрам, апокрифы, записи устных буддийских проповедей, а также тексты молитв, обрядников и других произведений, относящихся к буддийскому ритуалу. Первоначально в состав дуньхуанской коллекции Азиатского музея входили произведения изобразительного искусства, но в начале 1970-х годов 71 единица произведений живописи на шелке и бумаге (шифр Дх жив.) была передана для реставрации и экспозиции в Государственный Эрмитаж, где с 1931–1932 годов находились произведения искусства, привезенные Первой Русской Туркестанской экспедицией С.Ф. Ольденбурга. В 1970–1980-х годах М.Л. Рудова-Пчелина выполнила восстановление трудно поддающихся иконографическому прочтению фрагментов, которые в настоящее время выставлены в Эрмитаже. В 1994–2002 годах почти все рукописи дуньхуанского фонда

СПбФ ИВ РАН были изданы в Шанхае, в издательстве «Древняя книга». Всего было опубликовано 17 томов «Дуньхуанских рукописей, хранящихся в России»³⁴.

Важный этап в хранительской деятельности Азиатского музея связан с именем В.М. Алексеева (1881–1951), который в 1910 г. начал систематическую обработку и комплектование китайских коллекций и библиотеки. С.Ф. Ольденбург, оценивая значение работы В.М. Алексеева, писал, что его деятельность в Азиатском музее «состояла, главным образом, в систематизации китайского отдела печатных книг и рукописей Музея, который к 1913 г. состоял из разрозненных собраний, разным образом попадавших в музей и усвоенных музеем, главным образом, как бы пассивно, т.е. без инициативы музея и поисков вне стен учреждения»³⁵. Благодаря усилиям В.М. Алексеева из Китая и Японии в Азиатский музей были выписаны многочисленные и весьма разнообразные по содержанию библиотеки-серии и справочные издания.

После Октябрьской революции 1917 г. в Азиатский музей были переданы рукописи на восточных языках из целого ряда реорганизованных научных и образовательных учреждений. В 1930 г. Азиатский музей со всеми его сотрудниками и коллекциями вошел в состав вновь созданного Института востоковедения АН СССР, при этом хранение, описание и издание памятников рукописного собрания остались по-прежнему одной из важнейших задач нового учреждения.

Одно из последних крупных поступлений в Институт востоковедения датируется 1935 г., когда из Дальневосточного филиала Академии наук СССР были переданы китайские рукописи, очевидно привезенные в Россию из Китая в первые годы XX в. Сначала эти рукописи поступили в библиотеку Дальневосточного государственного университета, откуда в 1932 г. были переданы в Дальневосточное отделение АН СССР, а затем доставлены в Ленинград. Особую ценность представляют собой китайские многотомные художественные альбомы из этого собрания, которые вошли в фонд NOVA. Среди них представлен красочный 5-томный альбом XVIII в., содержащий рассказы и картины на тему буддийского канона³⁶.

В настоящее время рукописные и книжные памятники буддийской культуры на разных языках, поступившие в Санкт-Петербург из самых разных регионов Азии, входят в уникальное собрание, которое имеет очень мало аналогов в мире. За истекшие 50 лет силами научного коллектива ЛО ИВ АН — СПбФ ИВ РАН почти полностью решена задача каталогизации рукописных фондов.

Вопрос о составлении полных каталогов для всех коллекций рукописного собрания, который не терял актуальности на протяжении всей истории и Библиотеки Академии наук, и Азиатского музея, очевидно, впервые был поставлен и документально зафиксирован в

1724 г. в контракте унтер-библиотекаря И.Д. Шумахера (1690–1761). Ему было предписано «библиотеку и кунст-камору в своем правлении иметь; как в библиотеке, так и кунст-каморе все поряточно содержать, в библиотеке книгам, а в кунст-каморе приобретающимся разным вещам каталоги учредить»³⁷. С тех пор на протяжении XVIII–XIX веков создавались описи на отдельные части коллекции, предпринимались попытки написания аннотированных каталогов, но универсальная схема полного тематического описания фондов была разработана только в середине 1950-х годов. В соответствии с ней были составлены каталоги почти на все коллекции рукописного собрания СПбФ ИВ РАН. Сейчас работа по их изданию почти завершена, что имеет большое значение для раскрытия памятников книжной и рукописной культуры и дает возможность из всестороннего исследования.

* * *

1. Станюкович Т.В. Кунсткамера Петербургской Академии наук. М.; Л., 1953. С. 7.

2. Азиатский музей: Статья академика Дорна // Музеи Императорской Академии наук. (Отдельный оттиск). С. 25.

3. Материалы для истории Императорской Академии наук. СПб., 1885. Т. I (1716–1730). С. 182, 184, 187, 191, 194, 208.

4. [Бакмейстер И.Г.]. Опыт о библиотеке и кабинете редкостей и истории натуральной Санкт-Петербургской Имп. Академии наук, изданный на французском языке Иоганом Бакмейстером, подбиблиотекарем Академии наук, на российский язык переведенный Васильем Костыговым. [СПб.]. Напечатан в типографии Морского шляхетского кадетского корпуса. 1779. С. 87.

5. Пучковский Л.С. Предисловие // Монгольские рукописи и ксилографы Института востоковедения. М.; Л., 1957. Т. I. С. 1.

6. Лебедев Д.М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950. С. 76.

7. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. I. С. 289–290.

8. Там же. С. 347.

9. Пучковский Л.С. Собрание монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР // Ученые записки Института востоковедения. М.; Л., 1954. Т. IX. С. 92.

10. Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. I. С. 348.

11. Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН [далее — АВ]. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 1–14 об.

12. Там же. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 1–14б.

13. [Броссе М.И.] Отчет экстраординарного академика Броссе о китайской библиотеке Азиатского музея Императорской Академии наук. С. 3.

14. Catalogue des Livres Chinois, Japonais, Mantchous, Mongols, Tibetains, Tonquinois, Samscrits etc. de la Collection du Conseiller d’Etat actuel Baron Schilling de Canstadt // Архив востоковедов СПбФ ИВ РАН. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 30.

15. Чугуевский Л.И. Шиллинг Павел Львович. [Обозрение фонда № 152 Архива востоковедов СПбФ ИВ РАН]. Вступление и публикация И.Ф. Поповой // Письменные памятники Востока. № 1 (4). 2006. С. 259.
16. АВ. Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 112; Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 115. Л. 1–18, 57–58.; Ф. 56. Оп. 1. Ед. хр. 131.
17. Чугуевский Л.И. Шиллинг Павел Львович. С. 261.
18. Там же.
19. Воробьев-Десятовский В.С. Собрание индийских рукописей Института востоковедения Академии наук СССР // Посова Т.К., Чижикова К.Л. Краткий каталог индийских рукописей Института востоковедения РАН. М., 1999. С. 9.
20. Тихонов Д.И. Сокровища Азиатского музея и их собиратели. (Исторический очерк) // Сборник Музея антропологии и этнографии. ХХІХ. Культура народов зарубежной Азии. Л., 1973. С. 13.
21. Азиатский музей Российской Академии наук: Краткая памятка. Пг., 1920. С. 88.
22. Уставы Академии наук СССР. М., 1974. С. 112, 117–118, 190.
23. Азиатский музей Российской Академии наук. С. 54.
24. Там же. С. 72.
25. Каталог книг и рукописям на маньчжурском языке, находящимся в Азиатском музее Императорской Академии наук, составленный Д. Банзаровым (Lu le 31 mars 1848) // АВ. Ф. 152. Оп. 2. Ед. хр. 10. Л. 17 об.–18.
26. Меньшиков Л.Н., Чугуевский Л.И. Китаеведение // Азиатский музей — Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР. М., 1972. С. 83.
27. Пучковский Л.С. Предисловие. С. 1.
28. Воробьева-Десятовская М.И. Собрание восточных рукописей Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения Российской Академии наук // Письменные памятники Востока. 2004. № 1. С. 249.
29. Богословский В.А. Тибетские рукописи и ксилографы // Восточные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963. С. 57.
30. Петров Н.И. Научные связи между востоковедами и путешественниками-географами в конце ХІХ — начале ХХ в. // Страны и народы Востока. М., 1959. Вып. 1. С. 260.
31. Горбачева З.И. Тангутские рукописи и ксилографы // Восточные фонды крупнейших библиотек Советского Союза. М., 1963. С. 51–52.
32. Меньшиков Л.Н. Описание китайской части коллекции из Хара-Хото (фонд П.К. Козлова). М., 1984. С. 9.
33. Там же. С. 17.
34. 俄藏敦煌文獻. Шанхай. Тт. 1–17, 1994–2000.
35. Ольденбург С.Ф. Записка о трудах Василия Михайловича Алексева, младшего ученого хранителя Азиатского музея. 1913–1918. (Приложение к протоколу X заседания Отделения исторических наук и филологии Российской Академии Наук 18 (5) сентября 1918 года) // Известия Российской Академии Наук. VI серия. Пг., 1918. С. 1747.
36. Маракуев А.В. Каталог китайских рукописей в Библиотеке Дальневосточного отделения АН СССР. Владивосток, 1932. С. 1–3.
37. Там же. С. 14.